

Современное поколение.

Часть I

Идеал

Не знаю, хотели ли товарищи, пишущие журнал, дать ему такое название, чтобы обозначить нечто большее, чем сознательное стремление; могу сказать, что если вначале я рассматривал его название только как выражение репродуктивного идеала, то сегодня оно представляется мне возвышенным уставом, синтезом желаний, величественным девизом поборников Совершенства Человека (телесного, психического, социального и нравственного). Определить поколения, осознающие не только свою репродуктивную роль, но и свои поступки, свои права и обязанности, свою миссию, то есть сформировать растущую группу индивидов, свободных от тирании рутины, от изнеженного господства невежества, хозяев самих себя, своих инстинктов и бурных страстей, осознающих, как, почему и в каком объеме они совершают свои жизненные действия (индивидуальные и социальные), - вот что я понимаю под сознательным поколением и вот идеал, который я исповедую.

Возрождение и искупление человечества должно основываться на возрождении и искуплении индивида, который, начав побеждать свою само-независимость, возрождать себя телесно и психически, формировать и шлифовать грани своей личности, должен начать с того, чтобы стать достойным идеала, который он воплощает, и коллектива, которого он желает; и этого чуда нельзя ожидать как добродетели идеала;

На инстинкты, как и на страсти и чувства, то есть на колодец скотства, унаследованный нами от предков, исповедуемые идеи не оказывают никакого влияния: освобождение от этого осадка, который так часто овладевает нами, - задача воспитания, интеллектуальной дисциплины; покорив этот первый оплот, мы дадим вольной работе ее самый прочный фундамент.

Я не собираюсь создавать еще одну идеологическую голубятню, навешивать на себя ярлык, чтобы отличить себя от других; если у меня есть какое-то отличие, я постараюсь, чтобы оно присутствовало в моем поведении и в моих работах; отличительные знаки будут внутри, а не на фасаде. Я не приемлю шаблонов, незыблемых правил, догм и категорических утверждений; я хочу сохранить духовную ловкость, которую я приобрел, пройдя через самые противоположные тенденции, свободу движения, исследования и сомнения; я хочу оставаться на открытом пространстве, чтобы иметь возможность созерцать весь горизонт и

открывать истину, где бы она ни находилась; истину, которая является севером моего паломничества, поскольку поиск истины, совершение добра и созерцание красоты - это самые великолепные удовольствия, которые может получить человек.

Специализация

Мы соблазняемся всем, что льстит нашей лени, всем, что решает нужды с наименьшими неудобствами. Этот предлог, который лень находит, чтобы позволить нам бездействовать, - великая умственная дикая карта - в науке обусловлена головокружением, вызванным ее расширением; она требует, чтобы все существование учебы было охвачено ею; она ограничивает общую культуру человека под предлогом углубления его знаний в определенной области; В моральном поведении мы практикуем одну добродетель, специализируемся на ней, чтобы не практиковать другие; а в идеологическом поле неопределенность, порожденная множеством пересекающихся путей, заставляет нас объединяться в группы и следовать - еще один в стаде - в направлении других; это страх идти через поле.

Специализация порождает узкие, герметичные, фанатичные и сектантские критерии; это дезориентация в науке и идеях; находясь в ментальной галерее специализации, человек видит мир сквозь дыру; он воспринимает лишь кусочек огромной панорамы, и формируемые им суждения не могут не страдать от этой ограниченности.

В моральных вопросах нам кажутся хорошими только те, кто исповедует нашу собственную добродетель; все остальные добродетели кажутся нам чудовищными. Мы настолько зажаты специализацией, что ни взаимопонимание, ни взаимное согласие невозможны; чтобы понять друг друга, надо выйти на природу, на необъятную равнину.

Кроме того, специализация ведет к рутине, к подчинению привычке, к механистичности наших действий, что прямо противоположно той сознательной жизни, за которую мы ратуем.

Анархизм и натурализм

Я рассматривал их, хотя и в широком смысле, как две разные идеологические специализации, но совместимые: в силу идентичности цели - подавления человеческой боли - и в силу философского родства; ведь они совпадают в том, что придают страданию (рабству или болезни) одну и ту же мотивацию (отчуждение от природы, нарушение ее предписаний, виктимизация окружающей среды) и возлагают решение проблемы на отсечение корней. И они дополняют друг друга, поскольку имеют дело с разными аспектами, - один искупает живое существо, другой - социальное; они конфликтуют только тогда, когда изолированы друг от друга, каждый в своем ящике, пытаюсь навязать свою точку зрения.

Превосходство этих двух идеологий над любыми другими, созданными человеком, заключается в дисциплине, которой они подвергают поступки (социальные и телесные) того, кто их исповедует (нет, того, кто претендует на их исповедание), в сознательной тренировке, в широте взглядов, которую они сохраняют даже в сектантстве "специальности", и в возвышении их гуманизма.

Эти две философские системы, рассматриваемые для их писателем как идеалы завершения, к большому ущербу для обеих, я полагаю, что они выходят лучше, рассматриваемые как идеалы перехода, как инструменты, подготавливающие торжество высшего человеческого идеала; отсюда преимущество сохранения в них свободы мысли и общего видения, отсутствия ослепления фанатизмом.

Есть люди, которых идеи побуждают к ним более или менее эгоистические мотивы, которые рассматривают их как цель, как вершину, как точку отдыха от беспокойства; таков, например, больной, ищущий лечения в натурализме, или пролетарий, который обращается к анархизму, как каторжник к спасательному кругу; эти люди, скорее всего, удовлетворятся решением своей индивидуальной проблемы и займутся ею в одиночку. Но есть и такие, кто принимает эту идею как факел, освещающий их теряющийся вдали путь, как парус, который можно развеять на ветру, как посох, помогающий им в бесконечном шествии к недостижимому идеалу; они пришли к натурализму, как и к анархизму, руководствуясь светом истины, в поисках добра и красоты; между тем и другим согласие может быть только кажущимся, их сходство - только внешнее, ибо на самом деле между ними - глубокая пропасть.

Проблема прошлого

Есть неизбежная и неотвратимая, пульсирующая проблема, которая настоятельно требует своего эффективного решения, своей грубостью взывая к расшатанным фибрам нашей сентиментальности; Это **экономическое рабство** с его приправленными плодами: страданиями, столом без хлеба, домом без воздуха и солнца, угнетающим трудом и бесплодными мозгами.

Это рабство - душитель всех спасительных стремлений, кузница, где куются цепи других рабств, и чрево, где зарождаются самые жестокие болезни, оно не может не заслуживать пристального внимания натурализма и анархизма и концентрации в себе всех освободительных усилий этих идеалов; они, предпочитая любую другую искупительную систему, должны стремиться решить его с максимальной поспешностью, ибо им предстоит пройти самый длинный путь.

Рабство, породившее рабский дух, и рабский дух, породивший рабство в медленном течении веков, образовали замкнутый круг, значительно осложнивший его решение. Эгоизмы и интересы, созданные в его тени, привилегии, власти и догмы, в экономической близости оседлости, противостоят друг другу, как сытые, чтобы освободить свою добычу, и таким образом борьба приобретает братоубийственные инстинкты, и в мире появляется тень и ненависть легендарного Каина.

Но беспокойство, пробуждая спящие мозги, завоевывает приверженцев спасительной идеи, побеждает волю, создает напряжение, статическую силу, прилив, который медленно поднимается, не имея лишь предлога для эволюционного скачка, открытого Хуго де Врисом.

Вызвать осознание, как у скромных, так и у сильных, как у мудрых, так и у невежественных, как у полезных, так и у паразитов, как у сильных, так и у слабых; заставить одних осознать свою любознательность, других – свое рабство, а третьих – свою пассивность в защите несправедливости; проблема больше не является проблемой групп, партий, классов, она является только человеческой.

Разница в процедурах, разделяющая различные идеологические течения, заинтересованные в экономическом освобождении, может исчезнуть только в том случае, если каждое из них откажется от своей «специализации», а все они – от своего сектантского духа. Но освобождение должно быть эффективным, на практике, в делах, а не написанным в кодексах и нанесенным в виде скрижали на дереве.

Заключение

Наиболее эффективным рычагом совершенствования и прогресса, тем, что накладывает на наши действия печать человечности, является интеллект; но хотя все мы в большей или меньшей степени обладаем этим мозговым блеском, общий характер наших действий показывает, что они вовсе не зависят от интеллекта; они столь же рутинны, столь же механичны, как и действия наших низших собратьев по зоологической шкале; Бывает, что действие, начавшееся как разумное, становится, в силу повторения и привычки, механическим, и что неапологетично, поскольку снижает уровень человека, - это выполнение действия, можно сказать, пассивно, отдаётся бессознательному импульсу, без участия мозга; так, например, мы едим то, что нас учат есть, нам не приходит в голову спросить себя, что, как и когда мы должны есть, несмотря на всю важность этого жизненно важного действия.

Воспитание, которое мы получаем, уничтожая всякую инициативу и навязывая нам подчинение и рутину, является одной из главных причин нашего машинизма.

Интеллект, как и разум, получает тем больше преимуществ в своей работе, чем больше и многочисленнее материалы, на которые он реагирует; эти материалы – плод наблюдений и опыта (накопленного в науке или распространенного в жизни); кроме того, функция развивает орган, а деятельность органа совершенствует функцию; отсюда реальная польза от его культивирования.

Действие может быть церебральным, т.е. психически проработанным, и при этом не быть осознанным; с другой стороны, всякое осознанное действие является церебральным.

Бессознательное же может симулировать невежество, а невежество – тупость (того, что мы говорили по этому поводу на страницах журнала, думаю, достаточно, чтобы сделать тему понятной).

Сознательные поколения! Люди, которые своими делами доказывают, что они таковы; которые не подражают тому, что видят, не подчиняются обычаям, пока не подвергнут их сомнению, не поддаются страстям, не порабощают себя внутренностями, пока не увидят, куда они их ведут; люди, которые знают свою психологию, чтобы уметь разоблачать бессознательное, когда оно маскируется под разумное. Именно этой работе мы посвящаем свои усилия.

Они – наши помощники: евгеника – наука, которая пытается создать в родах наиболее оптимальные условия для получения здорового, крепкого и сильного потомства.

Сознательное деторождение, распространению которого посвящен этот журнал.

Педагогика и уход за детьми, науки о ребенке, направленные на рациональное развитие всех его физических и интеллектуальных возможностей.

И натурализм, который является не только философским идеалом, но и культом здоровья и жизни, а также медицинской системой (профилактика и лечение болезней), превосходство которой над официальной медициной я постараюсь продемонстрировать в этих статьях-разоблачениях, с которых я начинаю настоящую статью.

Начнем с осознания добровольных действий нашей вегетативной жизни; это послужит полезной тренировкой и оздоровит наши организмы, составляющие «Supstractum» того разумного существа, которым мы гордимся.

Версия #2

Зверобой создал 3 июня 2026 07:51:38

Зверобой обновил 3 июня 2026 07:56:21